

А. Ю. Балакин

Шаховской — персонаж «Дома сумасшедших»
А. Ф. Воейкова

Стихотворная сатира Александра Федоровича Воейкова «Дом сумасшедших» имеет богатую творческую историю. Она создавалась на протяжении почти четверти века, и если в первоначальной редакции 1814 г. содержит двадцать четыре строфы всего про девятерых литераторов, то в окончательной редакции 1838 г. — уже более пятидесяти строф, а количество упомянутых лиц — свыше тридцати. Но работа Воейкова над «Домом сумасшедших» не ограничивалась тем, что он механически дополнял его новыми строфами. Нередко ранние строфы, уже потерявшие актуальность, либо просто отбрасывались, либо заменялись другими, отражавшими новую фазу отношений автора сатиры с тем или иным литератором. Очевидно, что некоторые строфы Воейков создавал в порыве минутного раздражения, а затем, сознавая их слабость или несправедливость, или даже опасность для себя, препятствовал их широкому распространению.

Среди единичных автографов и многочисленных списков «Дома сумасшедших» есть такие, где можно встретить строфы малоизвестные, либо совсем неизвестные. К последним относится и следующая строфа, сохранившаяся в единственном списке и ранее не публиковавшаяся:

На большой цепи железной
Шаховской вблизи сидит,
Проклиная жребий слезной,
В сильной горести пищит.
«Осмеял меня пред светом,
О неистовый нахал!
Висковатов! ты Гамлетом
Славу у меня украд!»¹.

Содержащий эту строфу список находится в альбоме, принадлежавшем кому-то из членов семьи Дуроп, о чем свидетельствует запись И. А. Шляпкина (в чьем фонде и хранится альбом) на его авантитуле: «Альбом видимо принадлежал А. и Н. Дуроп. Куплен в Петрограде в ноябре 1915 г. (у Ф. Т. Шилова). И. Шляпкин»². Александр Христианович Дуроп (скорее всего, альбом

Т.
=

---

¹ ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 2. Ед. хр. 431. Л. 12 об. Описание этого списка см.: Балакин А. Ю. Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в рукописном отделе Пушкинского Дома (в печати).

² Краткую информацию об альбоме см.: Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 19–20.

принадлежал именно ему) и его старший брат Андрей были членами Вольного общества любителей российской словесности (куда вступили одними из первых в январе 1816 г.) и поначалу принимали активное участие в его деятельности. На рубеже 1810–1820-х гг. Александр Дуроп опубликовал большое количество стихов и переводов в журнале общества «Соревнователь просвещения и благотворения», а также в «Благонамеренном» и «Невском зрителе»; Андрей Дуроп эпизодически выступал в печати как прозаик и переводчик³. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что братья Дуроп находились в центре литературной жизни того времени, и появление списка «Дома сумасшедших» в их альбоме совершенно закономерно. Нельзя исключать и того, что он восходит непосредственно автографу или авторизованному списку самого Воейкова, с которым Александр Дуроп, возможно, был знаком. Во всяком случае, положительный отзыв автора «Дома сумасшедших» о стихах последнего, помещенный в 1821 г. в «Сыне отечества», не выглядит случайным. Стоит также отметить, что список в альбоме Дуроп почти не содержит ошибок и неточностей, что также говорит о его близости к протографу.

Материалы альбома дают возможность ^{Ната} довольно точно датировать этот список, что важно для комментирования цитированной выше строфы. На титульном листе альбома стоит дата: «1822 год», а сразу после «Дома сумасшедших» имеется стихотворная запись Андрея Дуроп, датированная 20 марта 1823 г. Таким образом, сатира Воейкова была записана в альбом именно в этом промежутке времени.

Но строфа о Шаховском возникла, конечно же, раньше. Когда же?

На первый взгляд, она должна принадлежать самой первой редакции «Дома сумасшедших». Упомянутая в ней трагедия С.И. Висковатова «Гамлет» (не перевод шекспировской трагедии, авольная переделка французской адаптации Ж.Ф. Дюсиса) была впервые поставлена в 1810 г., и хотя к держалась в театральном репертуаре вплоть до конца 1830-х гг., но уже к началу 1820-х полностью потеряла актуальность и воспринималась как явление вчерашнего дня. Спустя четыре года сатирический выпад Воейкова мог читаться как намек на то, что «Гамлет», премьера которого состоялась 28 ноября 1810 г., затмил единственную к тому времени трагедию Шаховского «Дебора», впервые представленную публике 24 января того же года. Но никаких свидетельств о возможном соперничестве Висковатова и Шаховского мы не имеем. Более того, оно едва ли было возможно. Прежде всего потому что Шаховской к трагедии обращался лишь эпизодически, и поэтому едва ли мог кого-нибудь всерьез считать своим соперником в этом жанре. И уж тем более этим соперником не мог быть малопродуктивный автор «Гамлета». Непонятно также, кого в этом случае Воейков мог подразумевать под «неистовым нахалом». Нельзя исключать и того, что строфа возникла в 1815 г., непосредственно после скандала, связанного с постановкой комедии Шаховского «Урок кокеткам, или

³ Подробнее о них см.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 197–198. Статья В.Э. Вацууро.

Липецкие воды» (премьера – 23 сентября 1815 г.) и послужившего причиной образования «Арзамасского общества безвестных людей», а под «нестовым нахалом» подразумевается либо автор сатирического гимна «Венчание Шутовского» и «Письма к новому Аристофану» Д.В. Дашков, либо П.А. Вяземский, которому принадлежит «Поэтический венок Шутовского, поднесенный ему раз навсегда за многие подвиги». Но тогда трудно объяснить, почему она дошла до нас в составе редакции, формирование которой относится к началу 1820-х гг., а в многочисленных списках, отразивших редакцию 1815 г., ее нет.

Гораздо более вероятно, что в строфе о Шаховском слышны отголоски нешуточной полемики, разразившейся в конце 1819 и первой половине 1820 г. на страницах журнала «Сын отечества». Эта полемика не раз становилась объектом внимания исследователей⁴, поэтому обратим внимание лишь на некоторые ее эпизоды.

В самом конце 1819 г. в последнем номере журнала «Сын отечества» появилось небольшое, всего на три страницы, «Письмо к издателю», подписанное «В. Кл-нов». Неизвестный автор, уверяя читателей в полном своем беспристрастии (и подкрепляя это уверение сообщением, что его правая рука «осталась на Бородинском поле», а левый глаз – «на высоте Монмартра»), подверг язвительной критике русскую комедию и комических актеров, противопоставляя им репертуар и актеров французской труппы в Петербурге. «Недавно приехал я в Петербург и посетил Русский Театр, – писал он, – именно Комедию, которую люблю страстно. Какое нескладное, юродивое зрелище мне представилось! Исключая одной Актрисы благородного вида, но неодушевленной, единообразной, другой, которая изрядно представляет горничных девушек, но также везде и всегда одна и та же, одного Актера, которого всё достоинство состоит в стройной фигуре, а искусство в способности не останавливаясь и не переводя духу, врать вздор – всё прочее меня рассердило и опечалило. Что за Комедии! что в них за стихи! что за проза! Тупые, или лучше сказать частым употреблением притупленные остроты, площадные шутки, бесхарактерные характеры, давно известные, можно сказать, древние интриги – составляют их существо и свойство»⁵.

Адресат иронии «однорукого инвалида» был тщательно закамуфлирован, современники не поняли, в кого метила статья и поэтому восприняли ее как

⁴ См.: *Слонимский А.Л.* 1) Пушкин и комедия 1815–1820 гг. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 2. М., Л., 1936. С. 31–35; 2) Комедия первой четверти XIX века (от Крылова до Грибоедова) // История русской литературы. М., Л., 1941. Т. 5. С. 307; *Томашевский Б.В.* Пушкин. М., Л., 1956. Кн. 1. С. 292–295; *Королева Н.В.* Декабристы и театр. Л., 1975. С. 167–169; *Латкина Г.А.* Театральная критика в 1810–1820-е годы // Очерки по истории русской театральной критики: Конец XVIII – первая половина XIX века / Под ред. А.Я. Альтшуллера. Л., 1975. С. 85–88; *Александрова И.В.* Драматургия А.А. Шаховского. Симферополь, 1993. С. 95 pass.

⁵ Сын отечества. 1820. Ч. 58. № ЛII. С. 275–276; под текстом: «С.П.б. Дек. 19. 1819».

оскорбление русского театра вообще. В следующем году в полемику вступили В.И. Соц, Н.И. Греч, П.А. Катенин⁶, Р.М. Зотов, Д.Н. Барков и, возможно, А.А. Жандр. Особенно резкой была антикритика Катенина, который принял «Письмо к издателю» на свой счет. Оппоненты В. Кл-нова утверждали, что он недостаточно образован и не способен понять законы сцены, что у него дурной вкус, что он не патриот, и дружно высказывали сомнение в его увечьях. В полемику собирався вступить и молодой Пушкин (разумеется, на стороне противников В. Кл-нова), но его статья «Мои замечания об русском театре» не была закончена и увидела свет лишь в 1895 г. «Ужели <...> необходимо для любителя франц.<узских> акт.<еров> и ненавистника русск.<ого> театра прикинуться кривым и безруким инвалидом, как будто потерянный глаз и оторванная рука дают полное право и криво судить и не уметь писать по-русски? Думаю, что нет...»⁷ В опубликованных статьях тон был еще жестче: «Решительный голос, с которым он хочет втоптать в грязь все наши комические творения, весь наш Театр, заслуживает, чтобы его обличили и письменно и печатно. Мы хотя довольно приучены к самонадеянности и пристрастию в наших Литературных распрях и приговорах; но верно не найдется ни в вашем, ни в других Журналах ничего подобного строкам В. Кл...ва. Он, увидя, как сам пишет, в первый раз русский театр <...> нападает не на одного Автора, не на одну Комедию, не на одного Актера, а бранит гуртом всё и всех. Брань ничего не доказывает, кроме досады, наглости и часто пошлого невежества»⁸.

В. Кл-нов не оставил возражения своих критиков без ответа. В шестом номере «Сына отечества» было помещено еще два его «Письма к Издателю», на этого раз гораздо более пространных, чем первое. В них он не только отвечал на нападки своих оппонентов, но и почти без обиняков назвал того, против кого он метил своим первым письмом:

«...никак не соглашусь, чтоб Сумароков был второй Расин, автор “Липецких вод” второй Мольер или даже второй Коцебу... <...> Вы, Г. Издатель Сына Отечества, слышал я, великий грамотей, и вздумали было учить грамоте людей, которые пограмотнее вас! Скажите мне: если я говорю: я люблю *Трагедию*, я люблю *Комедию*, неужели это значит только: я люблю *Деббору*, я люблю *Полубарские затеи*! Я хотел сказать, что посетил именно *Комедию*, не *Трагедию*, не *Драму*, не *Оперу*, не *Балет*. Тогда, признаюсь, я виноват пред *Грамматикою*, а отнюдь не пред *Комедиями*, коих имел честь (желал бы сказать: *имел удовольствие*) видеть с 6 Сентября по сей день довольное число. Я не похвалил наших *Комедий*. Хотя я это сделал и не сгоряча, но по прочтении 2 книжки “Сына Отечества”, пробежал те их наших новых *Комедий*, которые напечатаны, и повторил в памяти не преданные еще тиснению. Результат был прежний: только две из них, и то переведенные или переделанные с

---

⁶ Его выступления перепечатаны в кн.: Катенин П.А. Размышления и разборы. М., 1981. С. 173-177.

⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 тт. Т. 11. М., Л., 1949. С. 9.

⁸ <Жандр А. А.> Письма к Издателю. 1 // Сын отечества. 1820. Ч. 59. № II. Ч. 80-81.

Французского языка, обе в одном акте могут назваться хорошими: это *Притворная неверность* и *Воздушные замки*. После их можно еще назвать *Говоруна*. О прочих повторяю сказанное мною в 52 книжке “Сына Отечества” и не отрекусь никогда от моих слов <...> Мнение о наших Актерах почерпнул я в тех пьесах, которые ими *выучены наизусть*, протвержены и представляются со всем старанием <...> Не стану судить и догадываться о причинах сей золотой посредственности; но скажу мимоходом, что мне кажется, виною оной можно назвать Господ учителей. У нас составилась какая-то особенная школа дурного вкуса и противоречия Природе. Наши Актеры весьма часто стараются играть хуже, нежели могут, думая играть лучше. Они коверкают себя и заглушают в себе талант, по совету каких-то ложных друзей <...> Вы освободите меня от дефиниции изящного, но если пьеса написана хорошо, близка к натуре, и к натуре благородной, если она сыграна так, что произвела вообще и по частям своим приятное впечатление во всех просвещенных зрителях – то как не назвать представления оной изящным? Неужели для этого пьеса должна быть написана в пять актов, и с рифмами? неужели для этого Актеры должны говорить в ней не своим натуральным, а каким-то особым *драматическим* голосом?»⁹

Сейчас этот фрагмент требует развернутого комментария, но для современников он был понятен: В. Кл-нов высмеивал здесь комедии Шаховского и созданную им актерскую школу. Еще в первом письме он критиковал игру М.И. Валберховой, А.Е. Асенковой и И.И. Сосницкого (не назвав их по именам, но сделав намек весьма прозрачным) – это всё ученики Шаховского, занятые в главных ролях в его стихотворной комедии в пяти частях «Пустодомы», премьеры которой состоялась 10 октября 1819 г. (именно ее имеет в виду В. Кл-нов, когда пишет о пьесе «в пять актов, и с рифмами»). Называя лучшие русские комедии, он показательно игнорирует пьесы Шаховского, предпочитая ему оригинальные комедии Хмельницкого и комедию, переведенную Грибоедовым и Жандром. Прямо в Шаховского метит и пассаж про коверканье таланта и про «*выученные наизусть пьесы*», в которых актеры говорят «особым *драматическим* голосом». Дело в том, что у Шаховского был свой особый метод преподавания актерского мастерства: он требовал, чтобы актеры в точности копировали его интонацию, позы и жесты. Как вспомнила одна из актрис, он «прослушав чтение ученика или ученицы, вслед за тем читал им сам, требуя рабского себе подражания», и при этом указывал, «при каком стихе необходимо стать на правую ногу, отставя левую, и при каком следует перекинуться на левую ногу, отставя правую»¹⁰. Наполнен иронией и пассаж с упоминанием пьес Шаховского – трагедии «Дебора» и комедии «Полубарские затеи», к которым автор письма относится, как видим, весьма пренебрежительно.

---

⁹ Кл-нов В. Письма к Издателю. 1 // Сын отечества. 1820. Ч. 59. № VI. С. 269-270, 271, 272, 273; под текстом: «Января 14 1820 г.»

¹⁰ Цит. по: Каратыгин П.А. Записки. Т. 1. Л., 1929. С. 105-106.

В конце концов в полемику вступил и сам Шаховской, сочинив и свое «Письмо к издателю», внешне бесстрастное, но наполненное то и дело прорывающимся на поверхность раздражением. Он не счел нужным защищать свои комедии, но вступился за честь своих учеников-актеров: «Я очень рад, что могу здесь принести мою душевную благодарность им и товарищам их <...> за все мои Комедии, которые они поддерживали своим усердием, дарованием и точным знанием ролей. Признаюсь, приятно писать Комедии для нашего театра: хотя перевес талантов на стороне прекрасных Актрис наших, но и гг. Актеры, а особенно некоторые, искусством, рачением, или природным дарованием делают большую честь нашей комической сцене»¹¹.

И хотя после этого в «Сыне отечества» было опубликованное большое послесловие Шаховского к его «Полубарским затеям», в котором он высказывал свое понимание значения комедий для современной сцены¹², и хотя еще позднее там же были опубликованы столь же развернутые «Замечания на предисловие к Полубарским затеям», подписанные «К...ь О.....въ»¹³, хотя еще произошла легкая стычка между В. Кл-новым и Барковым¹⁴ — полемика, по сути, на этом была завершена. Победа и осталась за Шаховским и его сторонниками, но едкие замечания неизвестного «однорукого инвалида» вызвали, как видим, весьма бурную реакцию в театральном обществе и изрядно задели тщеславного комедиографа. Последнее несомненно хотя бы потому, что Шаховской вскоре отомстил В. Кл-нову, но не в журнальных страницах, а на театральных подмостках. 22 сентября 1820 г. состоялась премьера его одноактной комедии «Ворожея, или Танцы духов» (цензурное разрешение — 16 июля 1820 г.), где среди персонажей был сочинитель Клюнов, который симулировал ранение в руку и в глаз и о котором другие персонажи пьесы отзываются весьма уничижительно¹⁵.

Думается, именно ехидные, полные колких намеков статьи В. Кл-нова и имел в виду Восейков, когда вкладывал в уста сидящего в «сумасшедшем доме» Шаховского слова: «Осмеял меня пред светом, / О неистовый нахал!» В пользу этого свидетельствует и положение строфы в упомянутом списке «Дом

¹¹ Шаховской А.А. Письмо к Издателю // *Сын отечества*. 1820. Ч. 60. № VIII. С. 79.

¹² *Сын отечества*. 1820. Ч. 61. № XIII. С. 11–6.

¹³ Там же. № XIX. С. 299–313.

¹⁴ См.: *Кл-нов В.* Письмо к Издателю // Там же. № XVI. С. 175–176; *Барков Д.* Ответ на письмо Г. Кл-ва, в 16 № С. О. // Там же. № XIX. С. 314–316. Суть стычки заключалась в том, что В. Кл-нов попытался записать Баркова в свои единомышленники, а последний протестовал против этого: «...вы, надеюсь, видите, что я ни в чем на вас не похожу, потому более, что люблю беспристрастно все хорошее, а свое Руское вдвое; и так прошу вас, от звания своего последователя меня уволить и на мою помощь не надеяться» (С. 316).

¹⁵ См. об этом: *Александрова И.В.* Драматургия А.А. Шаховского. С. 96–97. Позднее фрагмент из этой комедии (без участия Клюнова) был напечатан в альманахе «Русская Талия» (СПб., [1825]).

сумасшедших». В 1820 г. он был дополнен строфами про Н.И. Греча, Измайлова и Каразина¹⁶, которые заняли свое место в конце сатиры, перед заключительными строфами о Грузинцеве и Невзорове. Строфа же про Шаховского стоит перед ними, и это позволяет ее датировать этим же годом.

Не случайно упоминание и Висковатова, который, наряду с Грузинцевым, в кругу «арзамасцев» был символом бездарного драматурга, а его сочинения именовались «козлогласованием»¹⁷. В «Парнасском адрес-календаре» Воейкова, написанном во второй половине 1810-х гг.¹⁸ (последняя редакция датируется как раз 1820-м г.), про него сказано следующее: «Висковатов, при театральной дирекции; член комиссии для сочинения проекта смешить муз трагедиями»¹⁹. Эта характеристика вполне объясняет то, почему Висковатов «Гамлетом» украл славу у комедиографа Шаховского²⁰. Таким образом, в этой строфе, как видим, Воейков обратил свою иронию сразу против двух литературных противников. Ставя же Шаховского на одну доску с драматургом, творчество которого считалось посмешищем и образцом галиматсии, автор «Дома сумасшедших» тем самым старался подчеркнуть его литературное ничтожество. Стоит обратить внимание на то, что сидящий на «большой цепи железной» Шаховской — пищик. Это вполне документальная деталь: по свидетельству П.А. Каратыгина, «наружность князя была очень оригинальна и даже карикатурна; он был высокого роста, голова большая, совершенно лысая, нос длинный с горбом, брюхо необъятной величины, и вообще вся фигура необыкновенной тучности, голос же, напротив, был тонок и писклив»²¹. О «визгливом голосе» Шаховского пишет и С.Т. Аксаков²².

Трудно сказать, почему строфа «Дома сумасшедших» о Шаховском не получила широкого распространения. Хотя к 1823 г. Шаховской «сближается со своими бывшими противниками»²³ — Жуковским, Вяземским, Василием Пушкиным, — но едва ли это могло послужить причиной того, чтобы

---

¹⁶ Обоснование датировки см.: *Ермакова-Битнер Г.В.* Примечания // *Поэты-сатирики конца XVII — начала XIX в. Л., 1959. С. 667, 678.* Библиотека поэта. Большая серия; *Лотман Ю.М.* Сатира Воейкова «Дом сумасшедших» // *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 460.

¹⁷ «Арзамас»: В 2 кн. Кн. 1. М., 1994. С. 285.

¹⁸ Однако такой осведомленный мемуарист, как П.А. Вяземский, утверждал, что этот текст сочинен Воейковым до «Дома сумасшедших» (см.: *Вяземский П.А.* Старая записная книжка. Л., 1929. С. 80).

¹⁹ Там же. Кн. 2. С. 10.

²⁰ Следует также отметить, что в 1820 г. после долгого перерыва была возобновлена постановка «Деборы» (сообщено Д. Ивановым).

²¹ *Каратыгин П.А.* Записки. Т. 1. Л., 1929. С. 118.

²² См.: *Аксаков С.Т.* Литературные и театральные воспоминания // *Аксаков С.Т.* Собр. соч.: В 4 тт. Т. 3. М., 1956. С. 79.

²³ *Иванов Д.* Роль В.А. Жуковского в формировании полемического образа Шаховского // *Пушкинские чтения в Тарту. 3. Тарту, 2004. С. 143.*

Князь А. А. Шаховской — автор и герой

принадлежащий к их кругу Воейков переменял свое мнение об авторе «Липецких вод». Более того, в мае 1823 г. в своем журнале «Новости литературы» (№ 16) он помещает остросатирическое «Послание к Н. И. Гнедичу», где содержится резкий выпад против плодovitого комедиографа:

Иль в цех комических вступаю авторов:
Что день — то опера иль водевиль готов;
Что день — в афишах я, натиснутый, сияю;
Насильно публику смотреть себя собираю.
Осмеиваю всех, кто смеет быть острей
И чьи стихи моих забавней и складней.
Явлюсь ли как творец или как преложитель,
Но образованный всегда зевает зритель.
Глас общий ценит в грош мои полсотни драм,
И знают многие о них из эпиграмм!
Злой Вяземский мне сплел из них венок терновый²⁴.

Возможно, напечатав эти строки, Воейков исчерпал тем самым сатирический задор; нельзя исключать также, что он мог, по размышлению, считать Шаховского недостойным для помещения в свой «Дом сумасшедших». Как бы то ни было, приведенная выше строфа не стала фактом литературной жизни первой половины XIX в. Но всё же к полемическому образу Шаховского, который целенаправленно формировался его противниками в 1810-1820-е гг., она добавляет несколько весьма выразительных штрихов.

²⁴ Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 318. Библиотека поэта Большая серия. В ИРЛИ (Ф. 357. Оп. 2. Ед. хр. 439. Л. 12 об.) хранится список ранней редакции послания, содержащий также снятый в печатном тексте выпад против Катенина, где цитированный фрагмент звучит еще резче:

Иль в цех комических писателей вхожу:
Что день — то опера иль водевиль рожу;
Что день — в афишах я, натиснутый, сияю,
Насильно публику смотреть себя собираю,
Осмеиваю всех, кто смеет быть умней
И чьи стихи моих забавней и складней.
Меня завистники зовут Аристофаном
А всё нет прибыли быть зрителем тираном!
Глас общий ценит в грош мои полсотни драм,
И знают многие о них из эпиграмм,
Из коих Вяземский мне сплел венок терновый.

Администрация города Липецка
Департамент образования администрации города Липецка
Липецкий государственный педагогический университет

**«ЛИПЕЦКИЙ ПОТОП»
И ПУТИ РАЗВИТИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Липецк 2006